

ВЫБОР

Фантастический рассказ

Талья! — Шорак бросил бланк вызова на стол и встал. — Я ухожу. Буду завтра. Или послезавтра. Похозяйничайте тут пока.

По дороге он заглянул к начальнику Базы.

— В чем дело, Густав? Зачем я понадобился Совету?

— Понятия не имею. Вызов пришел часа два назад.

— Странно...

— Им в Совете виднее. Кого ты оставил за себя?

— Галю Танскую.

Это было чуть-чуть не по правилам, так как официальным заместителем Шорака, шеф-связиста Базы Пионеров на Рионе-III, числился Губин, но ни для кого не было секретом, что он ждет не дождется случая уйти в маршрут. Танская же знала все хозяйство сектора связи не хуже Шорака. Густав кивнул.

— Ну, счастливо, — сказал он, не протягивая руки, что также было одной из традиций Звездного Флота: это значило, что оба предполагают увидиться скоро и не считают нужным прощаться. — И не задерживайся там, Карел.

Из вагончика карвейра Шорак выскочил на перроне Службы Биоконтроля и, срезая угол, напрямик зашагал к приземистому П-образному зданию станции телетранспортировки.

Кабинки на станции были последней модели — с пневматической фиксацией. Узкие вертикальные цилиндры, напоминавшие внутренность десантных капсул серии «ДМ», раздражали своей давящей теснотой. Шорак подождал, пока внутренняя поверхность цилиндра вздулась, фиксируя положение тела, потом мигнул зеленый глазок индикатора, давление упало, он повернулся и, открыв дверцу, вышел — уже на Землю, в холл станции ТТП Мурзукского космодрома.

Подойдя к шкафчику продуктопровода, Шорак накрутил код, вынул стакан и залпом выпил холодный сок. Стало легче: после телетранспортировки у него почему-то всегда оставалось на редкость противное ощущение во рту. В идеале стоило бы принять и душ, но на это уже не оставалось времени. Он запросил инфор о ближайшем рейсе на Женеву, когда к нему подошел коренастый крепыш лет сорока, как и Шорак облаченный в форму Звездного Флота.

— Вы в Совет?

— Да.

— Второй астрогатор Йоста Ньярдвик, — они обменялись рукопожатием. — Пойдемте, у меня здесь машина.

Шорак поблагодарил и согласился: это было очень кстати. Машина оказалась маленьким гравипланом полугоночного класса. Ньярдвик сел на место водителя, Шорак втиснулся рядом.

Гравиплан круто набрал высоту и взял курс на северо-восток.

Разговаривая с Ньярдвиком, Шорак никак не мог отделаться от назойливого вопроса, то и дело всплывавшего в сознании: почему вызов был подписан не Гурдом из отдела личного состава, а самой Баглай? Было в этом что-то необычное. Ну да ладно, в конце концов, вскоре все выяснится.

Здание Совета Астрогации стояло на самом берегу Женевского озера. Собственно, это было не здание, а целый ансамбль из трех домов-башен, каждый из которых имел в плане форму треугольника. Поднятый на мощных колоннах над поверхностью земли, ансамбль этот сложной системой воздушных переходов объединялся в единое целое. Такие колоссы давно уже не строились, это было наследие гигантомании XXI века. Но Шорак здание Совета нравилось. Особенно хорошо было стоять на плоской крыше самой высокой из башен, там, где располагалась стоянка гравипланов.

— Ну, мне налево, — сказал Ньярдвик, когда они вышли на четырнадцатом этаже. — До свидания. Рад был познакомиться с вами, Карел. Увидите Гуллакяна — передавайте привет. Мы с ним когда-то ходили вместе. На «Дайне».

— Непременно передам, — пообещал Шорак. За это он тоже любил Звездный Флот. Всегда, где бы ты ни очутился, обязательно рядом окажется твой знакомый или знакомый твоих знакомых, это облегчает частые расставания обещанием встреч. Он еще минуту-другую постоял, потом распахнул дверь председателя Совета.

Тамара Баглай поднялась ему навстречу. Шорак ни разу не встречался с ней: председателем она стала недавно. И сейчас он поразился, до чего не подходила она внешне к этому кабинету, большая часть обстановки которого помнила еще легендарных Бовтá, Крисса или Кравцова. В свои сорок с лишним лет Баглай сохранила внешность тоненькой девочки, и Шорак никак не мог представить себе ее там, на Шейле, во время Огненного броска, собственно и сделавшего ее председателем...

— Доктор Шорак? — непривычное, неуставное обращение резануло слух. — Рада вас видеть. Так же как и отметить вашу пунктуальность. — Рука у Баглай была узкая, сухая и сильная. — Садитесь, прошу вас.

Она подвела его не к официальному столу, а к небольшому столику в стороне и указала на кресло. Шорак сел. Отсюда ему был виден стереопортрет, стоявший на письменном столе, но, хотя черты лица и показались ему знакомыми, он никак не мог понять, кто же это.

— Гадаете, зачем вас вызвали?

Шорак кивнул.

— А все очень просто. Но сперва скажите, почему вы еще в семидесятом заинтересовались режимами самонастройки станций телетранспортировки?

— Блок-станций, — поправил Шорак. — Блок-станции монтируются неспециалистами, потому что экипажи крейсеров ограничены, и включать в них специалистов-монтажников нецелесообразно. А поскольку на Флоте сложилась традиция относить ТТП к связи, мне и пришлось заняться этим.

— Ясно. — Баглай кивнула. — Кстати, вы завтракали? Разговор нам предстоит не пятиминутный...

— Даже пообедал. Не забывайте о разнице между универсальным временем и нашим, рионским.

Баглай улыбнулась.

— Хорошо. Тогда продолжим. Еще вопрос: что вы знаете о проекте «Стеллатор»?

Вот оно что! Шорак напрягся. В этом, значит, главное.

— Только то, что было сказано в информационных бюллетенях Совета.

— Вы участвовали в обсуждении проекта?

— В это время я был в полете.

— А в голосовании?

— Воздержался.

— Почему?

Шорак промолчал. Потому что говорить значило ни с того ни с сего разоткровенничаться перед этой женщиной, облеченной к тому же председательской властью, что так или иначе, а устанавливало между ними определенный барьер. На планетах это не чувствуется, но для людей Звездного Флота с его строгой иерархической структурой немаловажно.

— Хорошо. В конце концов, это ваше право, доктор. Сейчас проект близок не к завершению, но к началу осуществления. На верфях Ганимеда и Плутона закончена первая серия кораблей-носителей. Вторая, более крупная — до полутора тысяч единиц — закладывается. И встал вопрос о начале строительства коммутационной станции. Горский предложил поручить работы по ее созданию и эксплуатации вам.

Шорак ожидал чего угодно, только не этого.

— Я должен рассматривать это как приказ?

— В таком случае не стоило бы приглашать вас сюда.

— А если я не соглашусь? И почему, собственно, я? Неужели нет в Человечестве связистов моей квалификации?

— Конечно, есть. Правда, тут нужен не просто связист, но связист, обладающий организаторским талантом и знающий специфику монтажа станций на новых планетах...

— Блок-станций.

— Да, конечно. Но так или иначе, замену вам найти будет не так уж трудно. Более того, рассматривалась не только ваша кандидатура.

— Прекрасно. В таком случае я отказываюсь. — Шорак встал. — Я могу быть свободен?

— Да, конечно. Но мне хотелось бы попросить вас...

— О чем?

— Чтобы вы не отказывались сразу. Подумайте, хотя бы сутки подумайте, а потом скажите мне свое решение. Согласны?

Будь на месте Баглай кто-нибудь другой, Шорак, не задумываясь, ответил бы категорическим отказом. Будь на этом месте старик Самохвалов... Но старик Самохвалов не стал бы просить. Да ему и не пришло бы в голову предлагать Шораку такое. А Баглай попросила, и она была не только председателем Совета, она была еще женщиной, кареглазой девочкой, и Шорак не смог ответить ей так, как ответил бы Самохвалову.

— Хорошо, — сказал он. — Завтра я отвечу вам. Но...

— Не надо, — мягко попросила Баглай. — Не торопитесь. Подождем до завтра. Вы заночуете в поселке? — Она имела в виду поселок Совета.

— Да, — ответил Шорак. — У Штуба.

— Он на Ксении.

— Жаль. — Ну и компьютерная же у нее память! Ведь не может же быть, чтобы со всеми она была на короткой ноге... — Ну да знакомых у меня много.

— Хорошо, — улыбнулась она. — До завтра, доктор Шорак!

Шорак вышел, напоследок еще раз скользнув взглядом по стереопортрету на столе. Кто же это? И только часа два спустя, обедая (или ужиная? Вечная эта неразбериха со временем...) в кафетерии Совета, вспомнил вдруг. Бовт. Ну конечно же, это был Борис Бовт. Вот, значит, чьим примером она вдохновляется! Что ж, нынешнее время не проще того. Шорак впервые ощутил какой-то проблеск симпатии к Баглай.

Воспользовавшись случаем, он заглянул в отдел снабжения к Познанскому, и тому пришлось-таки развязать свой рог изобилия, из которого в адрес Базы на Рионе-III посыпались давно обещанные, но в силу самых объективных причин так и не отправленные инверторы для корабельных станций АС-связи, скраттеры для локационных установок, — словом, все, чего Шорак добивался последние полгода. Значит, не так уж не прав Густав, настаивая на регулярных вояжах в Совет. Что ж, примем к сведению.

Не обошел он вниманием и Информбюро Совета, где полностью исписал две катушки стилографа, а заодно просмотрел все касавшееся проекта «Стеллатор».

Проект был задуман с размахом. Базой для его осуществления послужили разработки Объединенного института эмбриомеханики и биотехнологии. Когда стало возможным создание механозародышей достаточно сложных структур, Горский предложил разработать зародыш приемопередающей блок-станции ТТП. А когда через пять лет разработка была завершена, выступил в Совете Астрогации с докладом, в котором предложил создать специальный флот, состоящий из беспилотных аутспайс-кораблей, которые будут по определенной программе посещать звездные системы и сбрасывать на планетные тела механозародыши приемопередающих блок-станций ТТП. Таким образом, исчезнет необходимость в любых пилотируемых полетах. Более того, каждый год к системе ТТП будет подсоединяться несколько новых планет, так что Человечество вряд ли сможет даже оперативно изучить и освоить их.

Проект был принят с малосущественными дополнениями. От этого удара Звездный Флот оправиться уже не смог. Он был обречен, и все знали это.

И вот теперь Шораку было предложено возглавить один из основных участков работ по «Стеллатору». Что греха таить, это было лестно; из сотен тысяч специалистов Совет выбрал именно его. Но почему, почему? Он не мог взять на себя эту роль, не мог предать Флот, которому служил уже больше полувека, которому отдал всего себя и который дал ему жизнь и дело.

Никого из знакомых в поселке не оказалось. В гостинице Совета мест не было: шло какое-то совещание специалистов-теле-

транспортировщиков. Впрочем, для Шорака номер все же нашелся: к людям Звездного Флота сейчас отношение было даже более внимательным, чем в те времена, когда Флот был самым популярным поприщем, привлекавшим к себе чуть ли не всю молодежь. Так участливы здоровые к смертельно больным...

До вечера еще оставалось время, и Шорак хотел было слетать в Академию Астрогации, но передумал. Ведь и там сейчас почти все занимают отделения телестранспортировки, а пилотские, астрогаторское и другие, непосредственно связанные с подготовкой специалистов Флота, ужаты до минимума. И то верно: дефицита в специалистах на Флоте сейчас нет...

Самое обидное, что работа-то интересная! Больше: ничего подобного коммутационной станции ТТП Человечество еще не знало! Но зачем, зачем требуют от него предательства? Ведь уйти с Флота сейчас — значит предать его.

Внезапно Шорак ощутил усталость. Словно откатилась волна, оставив его бессильно распластанным лежать на песке. И то сказать, ведь он уже больше двадцати часов на ногах...

Он пошел к себе в номер и лег. Но сна не было. Промаявшись с час, он встал, набрал заказ, вынул из шкафчика продуктопровода два стакана и, подождав, когда чуть спадет темно-коричневая пена, проглотил горьковатый морфеофоб, залив его изумрудно-зеленым, прохладным синтом. Потом он принял душ. Привычного полотенца, правда, не нашлось, и ему пришлось минут пять прокрутиться перед раструбом пневматического, что если и не испортило удовольствия, то, во всяком случае, ослабило его.

Зря он все-таки уступил этой... председательнице. Нужно было сразу отказаться, отсечь саму возможность продолжения разговора и вернуться к себе, на Рион-III, и там спокойно готовиться к очередному рейсу. Стоп! С каких это пор «спокойно» стало его любимым словом? А ведь давно уже. С тех самых пор, как он понял, что живет под дамочковым мечом ТТП.

До чего же все сложно в этом мире! И пожалуй, самое страшное — его быстрая изменяемость. Человек не успевает за ней. Он меняется медленнее, чем облик мира. Потому-то Шораку и нравится старая, пережившая века архитектура Совета Астрогации. Потому-то и отсиживается он на Рионе-III, самой удаленной Базе Пионеров, ибо туда изменения приходят позже, пусть немного, но позже, и он имеет несколько лет форы. Но сколько же можно отступать?

Шорак вышел на балкон. Днем отсюда открывался прекрасный вид на озеро и парк. Но сейчас было темно, только проступали в небе звезды, да внизу, не то на воде, не то на берегу, мерцали какие-то неясные огоньки. Земные звезды. Шорак стоял, облокотившись на холодные перила, и смотрел туда, где над самым горизонтом не столько виднелась, сколько угадывалась маленькая звездочка — солнце Риона-III. Четыреста сорок семь светолет. И сегодня утром он был еще там... Слава тебе, ТТП!

А Флот умирает. В сущности, уже умер, обреченный жесткими законами технического прогресса. То, что делают все они теперь, — попытки гальванизировать труп. А от этого больно в первую очередь им самим.

А тем, молодым, кто все же учится сейчас на маленьких летных отделениях Академии Астрогации? Каково им, которые придут на Флот год, два, три спустя? Да и кому вообще будут они нужны? Ведь «Стеллатор» принесет все звезды, все планеты прямо на Землю. И каждый сможет, открыв дверь приемника станции ТТП, равно легко шагнуть из Мурзука на Марс или в Туманность Андромеды. Так неужели же напрасно жил Звездный Флот? Нет, конечно, нет. Ведь век ТТП мог наступить только после века Звездного Флота. И сейчас, стоя на рубеже этих эпох, Шорак видел, как осязаемо исчезает, тает уходящий век кораблей.

— Вы были правы, — сказал Шорак Баглай, утром следующего дня войдя в ее кабинет. — Я согласен.

«Стеллатор» отменит Флот. Так пусть это сделают не равнодушные руки, а руки человека, который любит его. Этого Шорак не сказал. Потому что есть вещи, о которых люди не говорят, даже если понимают друг друга.
